

УТВЕРЖДАЮ
Ректор ФГБОУ ВПО
«Российский государственный
гуманитарный университет»

Чл.-кор. РАН,
д.и.н., проф.
Е.И. Пивовар

13 марта 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

на диссертацию Редьковой Ирины Сергеевны

«Образ города в западноевропейской экзегетике XII века» (Москва, 2014)

на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (средние века)

Диссертация И.С.Редьковой посвящена исследованию образа западноевропейского города в первой половине XII века и возможностям его изучения на материале библейской экзегетики того времени. Изучение этого типа источников, которым историки долгое время пренебрегали, должно выявить новые возможности изучения жизни в средневековом городе.

Диссертационное исследование открывается фундаментальным, почти 100-страничным источниковедческим обзором, где проводится анализ разных типов позднеантичной и средневековой экзегетики, что в дальнейшем позволяет вполне обоснованно характеризовать разные типы толкований у рассматриваемых авторов. Большое внимание автор уделяет вариативности текстов Библии в средние века, что также влияло на возможности истолкования этого текста. Особый раздел посвящен специфике экзегетики

именно XII века, а также различиям между монастырской теологией и соборными школами. Все это демонстрирует большую эрудицию автора, глубокое знание источников, способность учитывать их специфику.

Значительная часть источниковедческого обзора посвящена характеристике каждого из основных рассматриваемых авторов – Руперта Дойцского, Герхоха Райхерсбергского, Готфрида Адмонтенского, Гуго Фольетского, авторов Сен-Викторской школы (Гуго и Ришара Сен-Викторский), а также цистерцианского богословия – Бернарда Клервосского, Гийома из Сен-Тьерри, Исаака из Стеллы. Каждая такая характеристика включает необходимые биографические сведения об авторе, а также обзор его сочинений, что позволяет в дальнейшем учитывать специфику той перспективы, с которой данный автор пишет о городских реалиях. Важно отметить, что работа с источниками включала в себя не только изучение опубликованных трактатов, но и серьезные архивные исследования, в результате которых автору, в частности, удалось обнаружить ранее неизвестную часть трактата Гуго Фольетского «Об обители души».

Наряду с экзегетическими текстами дополнительно используются нормативные источники, прежде всего монастырские уставы, которые, как отмечает автор, «позволяют соотнести религиозную практику и ее рефлексию» (С. 92.). Столь подробный источниковедческий обзор представляет собой хороший задел для дальнейшего исследования вопросов, поставленных во введении к диссертации.

За источниковедческим обзором следует 12-страничный историографический обзор. В нем главное внимание уделяется двум проблемным областям: изучению средневекового города и исследованиям библейской экзегетики в Западной Европе и в России. Это позволяет поставить исследование в контексты современных и более старых медиевистических исследований. Надо также отметить, что в конце текста диссертации приводится довольно обширная и любопытная библиография работ по исследуемой теме, включающая в себя новейшие исследования.

Основная часть диссертации разделена на четыре главы, каждая из которых последовательно освещает различные аспекты репрезентаций города в экзегетике. Так, в первой главе, озаглавленной, хотя и не совсем ясно, «Город библейский и город XII в.», речь идет о влиянии концепции двух градов Августина на позднейшие образы города, в частности, особое внимание уделяется соотношению понятий *urbs* и *civitas* и трансформациям понятия *civitas* у позднейших авторов. Надо отметить, как одно из главных достоинств диссертационного исследования, умение автора анализировать контексты употребления понятий средневековыми авторами, те дополнительные оттенки значений, которые они могли со временем получать. Первая глава позволяет представить в целом идею города, то, как она сложилась путем переосмысления терминологии Августина, а также выявить различия в осмыслении города богословскими направлениями первой половины XII века.

Вторая глава посвящена разным частям средневекового города, тому, как их можно увидеть глазами средневекового экзегета, – городским укреплениям, воротам, улицам и площадям, районам города и их специализации, монастырю в городе (особенно подробно рассматривается случай Дойца). В главе говорится и о внутренней застройке, и о водоснабжении. Автор убедительно показывает, как все эти элементы средневекового города получают дополнительные значения в контексте библейской экзегетики, и одновременно, – что сопоставление с библейскими прототипами позволяет увидеть особенности именно средневекового города.

В третьей главе «Рай как сад и рай как город» исследуется образ города как идеальной формы общежития. Здесь рассмотренная выше проблематика двух градов помещается в контекст дискуссий о монастырской реформе конца XI – начала XII вв.

Четвертая глава посвящена критическому рассмотрению сведений, которые можно получить благодаря экзегетическим текстам, о жизни

горожан, гендерных различиях в городе, нравах и зрелищах, об отношениях с монахами, отношении горожан к евреям.

Основные положения, выносимые автором диссертации на защиту, представляются вполне обоснованными.

Как полагает автор, «многоуровневая система толкования Библии давала теологам возможность (...) выразить с помощью библейских метафор и аллегорий свою собственную позицию по отношению к изменениям в жизни общества»; «обращаясь к интерпретации библейского города, экзегеты вольно или невольно наделяли его чертами современного им урбанистического ландшафта»; «представления об идеальном пространстве и идеальном укладе жизни» были во многом обусловлены «двумя конкурирующими моделями рая – сада и града – и принадлежностью авторов к тому или иному монашескому ордену»; экзегетические трактаты первой половины XII века могут важным источником по истории городской жизни той эпохи.

Главные выводы диссертационного исследования основаны на кропотливом изучении сложных средневековых латинских текстов и используемых там понятий, метафор и аллегорий. Этот сложный язык богословия XII соотносится с широким историческим контекстом и святоотеческой традицией, в том числе греческой. Впечатляет широта исследованных источников и внимание диссертанта к деталям при их прочтении. Высокий профессиональный уровень исследования сочетается с четким стилем изложения, продуманной структурой работы.

Безусловно, работа И.В. Редьковой является весомым научным вкладом как в изучение средневекового города, так и библейской экзегетики.

В то же время, ряд аспектов работы вызывают вопросы. Так, давая обширный почти 100-страничный источниковедческий обзор и посвящая его разбору экзегетики и биографий авторов, автор отказывается от обычной источниковедческой критики.

Так, сообщается о названиях разбираемых комментариев к Библии, но почти ничего не говорится о рукописях, в которых они сохранились. Тексты в работе, как правило, рассматриваются независимо от конкретных рукописей и их обихода, что соответствует практике работы времен Лахманна, но не раз подвергалось критике в конце XX века. Не рассматривается и история и принципы публикации текстов, в итоге, «Латинская патрология» Миня, по которой главным образом цитируются источники, рассматривается просто как нейтральный и прозрачный медиум, лишенный какой-либо историко-культурной специфики.

Занимающие значительную часть источниковедческого обзора биографий изучаемых богословов в значительной мере могут быть заменены ссылками на специальную справочную литературу, но особенно досадно то, что все приводимое здесь богатство сведений об авторах в дальнейшем почти никак не работает в тексте. Автор не продумывает связь изучаемых высказываний с их конкретным контекстом, определенным местом и годами, вместо этого помещая их лишь в очень общие контексты особенностей «цистерцианского богословия» или григорианской реформы. Это приводит диссертанта порой к тавтологическим выводам о том, что цистерцианцы рассуждали о городе очень по-цистерциански (С. 144).

В историографическом обзоре автор вполне благожелательно упоминает Э.Маля, а в библиографии - книгу Панофского «Смысл и толкование изобразительного искусства» (почему-то по-немецки, а не в английском оригинале или в русском переводе (СПб., 1999)). Однако, диссертанту стоило бы более серьезно отнестись к этим авторам, их полемике, к различиям иконографического и иконологического подходов: в какой мере достаточно найти истоки и трактовку неких образов в библейской традиции или описать истоки готики в неоплатонической метафизике света, или же необходимо идти дальше и изучать те дополнительные значения, которые метафизика света получала у Сугерия, в Сен-Дени, в королевских владениях, в определенные годы.

Вместо этого, экзегетика замыкается автором диссертации внутри собственного идеализированного пространства. Так, говоря о функциях клириков в отличие от функций монахов, автор пишет, что они должны были заниматься «укреплением веры в верующих, защитой веры против ее врагов, дидактикой и катехизацией», монахов же «интересовали в первую очередь темы, важные в пределах обители, как-то: монашеская община, индивидуальная религиозная жизнь и индивидуальное спасение» (с. 61).

Как идеальный образ такое противопоставление вполне допустимо, но надо ли говорить, что в реальности все было далеко не так, достаточно почитать любого монастырского хрониста. Автор же диссертации пытается из этого идеального противопоставления вывести реальные отличия монастырских и соборных школ и оперировать ими по ходу исследования. Опять же, здесь следовало бы в большей степени учитывать своеобразие конкретных социальных обстоятельств.

В другой части обзора источников автор начинает говорить о социальном, но обсуждение этой важной темы строится своеобразно. Так, на стр. 66 автор пишет: «Я обратилась к изучению трудов представителей различных богословских традиций, чтобы выявить как в разных странах Церкви и в разных регионах Западной Европы общество – его интеллектуальная элита – реагировали на вызовы времени, как это преломлялось в их творчестве и в их рефлексии, какие пути развития общества в новых условиях намечала церковь».

Изучать «реакцию общества» в Средневековье – значит, предполагать наличие там этого общества. Такой подход выглядел бы понятным историкам середины XX века с их социологическими увлечениями, но сегодня он выглядит довольно сомнительно, когда понятие общества вызывает у исследователей немало вопросов даже в его применении к современности (см. хотя бы активно переводимые в последнее время труды Б.Латура). Так же бесп проблемно диссертант переносит из XX века в XII век теорию элит, хотя мир Бернарда Клервосского, несомненно, отличается от мира Эмиля

Золя. Той же посылкой в XII век отправляется и модернистское понятие «развитие». Стоило бы не только заменить «развитие» на более нейтральное «изменение», но и использовать важную работу К.У.Байнум (C.W. Bynum) о понятии изменения в ученой традиции XII-XIII вв. Надо сказать, что само понятие «изменения» у ученых богословов в то время, если верить Байнум, существенно изменялось.

В диссертации, к сожалению, вообще нет раздела, посвященного методам, обсуждению прежних и современных подходов историков к прочтению текстов. То, что говорится в соответствующем разделе в автореферате диссертации про принципы научности и объективности, про «сравнительно-исторический», «культурологический» и т.п. методы исследования, не проясняет подходы, выбранные автором.

Работы Л.П. Репиной упоминаются только как сообщающие некоторые сведения о средневековых городах, но их стоило бы использовать и на предмет выяснения различий между старой «историей идей» и более поздней «интеллектуальной историей». Полезным, как представляется, было бы знакомство и с подходами современных *science studies*, опыт полемики «интерналистов» и «экстерналистов» в этой области.

По сути, игнорируется значительная часть современного историографического контекста. Удивительным выглядит неиспользование автором классической работы Филиппа Бюка, посвященного той же теме: *Buc Ph. L'ambiguïté du Livre: Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age. Pref. de J. Le Goff. P., 1994.* Текст ее легко доступен онлайн. Среди прочего, книга содержит обширную библиографию по теме, которая была бы не бесполезна автору и заставила бы пересмотреть тезис о том, что историки почти не интересовались до сих пор комментариями к Библии как историческим источником.

Библиография к диссертации содержит обширный перечень книг, в том числе вполне современных, но используются они в основном для извлечения из них конкретной исторической информации. Автор избегает обсуждать

концепции этих историков, связывать их трактовку частных сюжетов с этими общими концепциями. Так, например, автор демонстрирует знакомство с работами Стива Джегера (который почему-то называется Йегером), цитируется одна из его книг (с. 60), но по частному вопросу, между тем концепция книги Джегера не упоминается и не используется. По сути, сама диссертация вполне подпадает по джегеровскую критику логоцентричности в понимании ученой культуры X-XII вв. (См. также: Jaeger C.S. Pessimism in the Twelfth-Century «Renaissance» // *Speculum*. Vol. 78. No. 4. 2003. P. 1151-1183).

Было бы важно не только расширить историографический раздел за счет введения новых имен историков, но сформулировать круг проблем, актуальных для современных исследовательских полей по тематике диссертации.

Диссертант убедительно показывает, как много может дать исследование комментариев, но остается не вполне ясным, как это соотносится с современным уровнем исследований, концепции каких историков могут быть при помощи такого исследования скорректированы или опровергнуты? В выводах об этом ничего не говорится. Конечно, в итоге проделанной работы мы узнаем много нового, но в какой мере это новое лишь повторяет то, что и прежде было известно медиевистам?

Автор порой не замечает, как многое из того, что она принимает за «факты», на самом деле является довольно спорными и тенденциозными утверждениями, имеющими смысл в рамках определенной концепции. Так, на стр. 220 цитируется Г. Зедльмайер с утверждением, что «внутреннее пространство и внешнее церковное убранство представляли собой законченный образ небесного града, который актуализировался в богослужении». Это звучит красиво, и подобные утверждения позднее разошлись по популярной литературе о средневековом искусстве, но, в то же время, в профессиональном искусствоведении высказывалась и критика такого рода утверждений. В частности, Зедльмайер, как и другие

представители Венской школы, настолько увлекался идеями художественного модерна, идеями тотального произведения искусства и т.п., что видел их потом всюду. В любом случае, работы Зедльмайра не бесспорны, поэтому цитировать его как истину о Средневековье не стоит. Было бы корректней рассматривать его утверждения как проблемные, которые могут подтверждаться или не подтверждаться источниками, а не подводить данные источников под концепцию Зедльмайра, как это делается на последующих страницах.

Один из самых сложных моментов в диссертации – попытки автора выделить в комментариях средневековых богословов элементы их личного опыта, которые позволили бы нам судить о «затекстовой» действительности средневекового города. Нужно отдать должное стремлению автора диссертации выявить специфику употребления латинских понятий, указать на детали, отсутствующие в библейском тексте и привносимые средневековыми авторами. В то же время, такого рода построения не всегда убеждают полностью.

Например, на стр. 174 автор пишет о том, как Гуго Фольетский проецирует пространство города на свое видение души. «Как в земном пределе есть различные сословия людей, так и в уголках души есть различие стремлений», - пишет Гуго. Данный тезис, указывает автор диссертации, Гуго подтверждает трактовкой ворот Долины и Моста в моральном смысле экзегезы священного текста, что подтверждается соответствующей цитатой, где говорится о восхождении и нисхождении, о *descendit* и *ducit*. Здесь возникают два вопроса.

Построение воображаемых ландшафтов – один из ключевых приемов Цицеронианской риторики и вообще позднеантичной и средневековой мнемотехники (см. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997, а также: Carruthers M. *The Craft of Thought. Meditation, Rhetoric, and the Making of Images*. Cambridge, 2000, о практиках памяти в связи с богословием XII в.). В построении таких воображаемых ландшафтов авторы пользовались общими

установками, среди которых оппозиция высокого и низкого — вполне обычная. На основании чего мы можем предположить, что Гуго в данном случае отражал своим сознанием холмистые реалии северо-восточной Франции? Наверное, в духе сенсуалистов XVIII в. можно предположить, что в своих фантазиях Гуго не мог выйти за пределы чувственного опыта и т.п. Но здесь возникает другой вопрос: в какой мере эти спуски и подъемы надо выводить из впечатлений о действительности некоего города, или такой образ города, наоборот, следует из логики богословского рассуждения, которое оперирует оппозициями высокого и низкого? Здесь возможны оба ответа, и ни один из них не является полностью доказуемым. Конечно, двусмысленность этого отдельного примера не опровергает выводов работы о том, что богословы привносили свой личный жизненный опыт в трактовку образа города, но указывает на те, не вполне преодоленные, сложности, которые возникают при исследовании такого рода источников.

Возьмем другой пример, приведенный автором диссертации ранее (на с. 171-173). Диссертант говорит, что в комментариях Гуго описывается структура города, прототип которой нельзя обнаружить в библейских описаниях Иерусалима и других городов. Так, «пространство города внутри городских стен предстает у Гуго не в виде хаотичной застройки, а в виде упорядоченной структуры: улицы бывают параллельные и примыкающие». И далее: «Если взглянуть на карты Амьена, Лана или Мондидье, с которыми автор был, вероятно, знаком, то можно заметить присутствие подобного принципа планировки и застройки улиц, который был характерен для городов Северной Франции» (дается ссылка на книгу Ж.-П.Легэ «Улица в средние века»).

Конечно, имеется в виду, что Гуго был знаком не с картами трех городов, а с самими городами. И все же, здесь подразумевается, что то, что мы видим на современной карте (из книги Легэ или даже из детского атласа по истории), соответствует тому, что было в голове средневекового богослова. Иначе говоря, Гуго был оснащен теми же визуальными навыками,

теми же навыками воображаемого топографирования пространства, что и современный историк, пользователь карт ADAC и Michelin.

Если бы диссертант затронул проблему историзации картографического опыта, то его выводы от этого только бы выиграли. В недавно переведенной на русский язык книге Дж.Крэри «Техники наблюдателя» много места уделяется прерывной истории отображений городского пространства в связи с различными визуальными режимами знания. Да и в самой медиевистике об особенностях средневековых образов пространства писалось немало, взять хотя бы классический труд Поля Зюмтора «*La mesure du monde*». Здесь, опять же, в диссертации явно не достаёт полемики с более ранними исследователями. Заметим, что поставленные нами вопросы не опровергают общих выводов автора, они лишь призывают лучше их обосновать.

В итоге, если взять эти два конкретные примеры, что мы получаем, рассмотрев такие сложные вопросы средневековой экзегетики? В одном случае мы узнаем, что улицы в городах имеют склонность идти то вверх, то вниз, в горку и под горку, спускаясь и поднимаясь. Особенно они были к этому склонны в городах северо-восточной Франции начала XII в., где про такие улицы говорили, что они *descendunt* и *ducunt*. В другом случае мы узнаем, что эти улицы не только спускались-поднимались, но и примыкали друг к другу, образуя регулярную систему. Но это известно без экзегетики, и сама автор в какой-то момент предлагает нам посмотреть на прекрасные и четкие карты, нарисованные археологами и специалистами по исторической географии. Возможно, в диссертации стоило опустить столь подробный рассказ о некоторых этапах своего исследования, если они не привели к каким-то существенным для обновления исторического знания результатам?

Как уже упоминалось, в работе имеется ряд технических недоработок, в частности, русская передача имен средневековых авторов не следует какому-либо единому правилу. Так на одной странице говорится о Бернарде Клервосском (не Бернаре), а на следующей – о Гийоме из Сен-Тьерри (хотя

по-русски есть варианты написания «Вильгельм из Сен-Тьерри» (смесь немецкого с французским), а также Гильом из Сен-Тьерри). В работе соседствуют 1) современные немецкие произношения 2) современные французские произношения 3) русифицированные немецкие произношения 4) имена в форме от латинского номинатива, и не объясняется, почему это так. Некоторую регулярность можно заметить лишь в том, что автор избегает «старофранцузских» вариантов имен и латинских форм имен, производных от генитива (напр., Хаймо, а не Хаймон), хотя оба варианта как раз распространены в русской традиции. В конечном счете, это не влияет на общий научный уровень работы, но вместе с большим количеством опечаток в тексте, в том числе в именах, производит впечатление некоторой небрежности.

Высказанные замечания не подвергают сомнению ценность и новизну проведенного исследования. Много в разработке темы сделано автором диссертации впервые. Кандидатская диссертация И.С. Редьковой - это целостное, логически завершённое исследование малоизученной и актуальной научной проблемы. Автор продемонстрировал богатые возможности нового, оригинального научного изучения выбранной темы.

Значительные по своему объёму публикации автора по теме диссертации полно и всесторонне раскрывают основные положения представленной диссертации. Концепция и содержание авторской работы отражены в 12 публикациях, из которых 6 – в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК (среди них – «Средние века» и «Вестник МГУ»).

Аннотация диссертации в основном соответствует тексту диссертационного исследования, в ней четко и корректно представлена авторская концепция, выражены конкретно-научные результаты анализа историко-культурных документов и главные выводы. Основные положения диссертационной работы получили апробацию на международных и российских научных конференциях.

Диссертация в полной мере соответствует критериям и требованиям Положения «О порядке присуждения ученых степеней» (пункты 9 и 10), утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 г. Москва.

Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку. Результаты этой научной работы могут быть использованы как для проведения дальнейших исследований, так и для преподавания западноевропейской средневековой истории.

Автор диссертации, Редькова Ирина Сергеевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (средние века).

Настоящий отзыв подготовлен кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории и теории культуры РГГУ Евгением Евгеньевичем Савицким.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, протокол № 10 от 12 марта 2015 года.

Зав. кафедрой истории и теории культуры
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»
д.и.н., проф. Г.И. Зверева

Подпись *Г.И. Зверева*
УДОСТОВЕРЯЮ
Начальник Управления кадров
Н.Н. Назарова